

Александра Талавер

Триумф женщин?

*Женское лицо правого
популизма и экстремизма
в некоторых странах*

09

*«Защита» страны?
Женщины, гендерная политика и
мобилизация в «Единой России»*

Friedrich
Ebert
Stiftung

Выходные данные

Издатель

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.
Годесбергер Але 149
53175 Бонн
info@fes.de

Издающий отдел

Отдел политического образования и диалога
[Abteilung Politische Bildung und Dialog]
www.fes.de/pbd

Ответственные за содержание и редакцию

Издательница: Д-р Штефани Элис
Авторка: Александра Талавер
Перевод: Максим Шер
Редактирование: Александра Талавер

Контактное лицо

Д-р Штефани Элис
stefanie.elies@fes.de

Верстка/макет/оформление обложки

Rohtext, Bonn

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

апрель 2026

© Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.

Другие публикации Фонда им. Фридриха Эберта можно найти по ссылке

↗ www.fes.de/publikationen

Александра Талавер

Триумф женщин?

*Женское лицо правого
популизма и экстремизма
в некоторых странах*

09

*«Защита» страны?
Женщины, гендерная политика и
мобилизация в «Единой России»*

Содержание

Введение	3
Политическая программа «Единой России»: баланс российского консерватизма и популизма	5
«Единая Россия»: несущая конструкция российской антифеминистской политики	10
«Единая Россия»: за права женщин без феминизма	15
Гендерные предпринимательницы и Женское движение ЕР	15
Евразийский женский форум — бутафория для международной аудитории	18
Голоса несогласных внутри ЕР	20
Феминистская оппозиция «Единой России»	22
Заключение	24
Библиография	26
Авторка	26

Введение

Вечером 31 декабря 2022 года под звуки праздничного салюта Владимир Путин выступил с новогодним обращением к тем, кто в семейном кругу собрался перед телевизором. Однако вместо привычного Кремля фон для обращения был выбран другой: Путин выступил перед шеренгой мужчин и женщин в одинаковой военной форме. Такой образ демонстрировал национальную мощь. В то же время в нем прослеживалось и нечто более значимое — определенное видение гендерного равноправия. Последнее может существовать, только если вписывается в милитаризованный государственный нарратив, в котором равенство допустимо, пока все маршируют в одном направлении и под единым командованием. Этот образ, наверное, удивил тех, кто знает Россию как бастион «традиционных ценностей», хотя на самом деле он олицетворяет всю сложность текущего гендерного режима в стране и, что тоже важно, его пересечение с темой национальной безопасности.

С февраля 2022 года российское руководство подает конфликт в Украине не только как геополитическую конфронтацию, но и как полномасштабное «столкновение цивилизаций» — как войну за ценности и смыслы, в которой в вопросах гендерной идентичности, сексуальности, репродуктивных прав и телесной автономии «мы» якобы отличаемся от «них». Предполагаемый

«Запад», настаивает Путин, пропагандирует трансгендерные переходы, однополые браки и «вырождение» в виде формул «родитель 1/родитель 2», в то время как Россия защищает «естественный порядок». Вторжение России в Украину, таким образом, фреймируется в кремлевской риторике как защита от опасных поползновений Запада.

Такая установка возникла не на пустом месте. Она венчает три десятилетия политической эволюции России от хаотической постсоветской демократии к консолидированному авторитарному режиму. По итогам этих изменений «Единая Россия» (ЕР) — формально политическая партия, а на деле продолжение президентской власти — стала базовым механизмом, превращающим культурные страхи в закон¹. Ее роль не идеологическая, а инфраструктурная: ЕР «впитывает» жалобы и поводы для недовольства, переводит их на приглашенный административный язык и воплощает в политических решениях.

В настоящей статье, во-первых, проанализирована применяемая «Единой Россией» смесь популизма, технократического языка и «суверенной демократии». Такая формула претендует на внеидеологичность и одновременно блокирует реальный политический плюрализм. Во-вторых, проанализирована

¹ Ora John Reuter, *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia* (Cambridge University Press, 2017), <https://doi.org/10.1017/9781316761649>.

стратегия ЕР, направленная на формирование всеобъемлющей антигендерной политической рамки в России². В-третьих, в тексте рассматривается деятельность Женского движения и Евразийского женского форума, которые продвигают привлекательный образ расширения прав и возможностей женщин, но при этом подталкивают женщин к тому, чтобы играть роли, соответствующие принципам

патриотизма, семейного долга и потребностей государства. В статье рассмотрены также трещины в системе и формы сопротивления ей — от единичных несогласных внутри самой ЕР до продолжающих действовать региональных, низовых и транснациональных феминистских групп, противостоящих контролю партии над гендерной политикой.

2 Roman Kuhar and David Paternotte, *Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*, 1st ed. (Rowman & Littlefield International, Rowman & Littlefield Publishers, 2017); Katharina Bluhm and Mihai Varga, eds., *New Conservatives in Russia and East Central Europe* (Routledge, 2020); Yulia Gradszkova, "Maternalism and New Imperialism in Russia: 'Good Mothers' for a Militarizing State—Expectations, Implications, and Resistances," *Frontiers in Sociology* 8 (November 2023), <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1192822>.

Политическая программа «Единой России»: баланс российского консерватизма и популизма

Партия «Единая Россия» была учреждена в 2001 году и должна была позиционировать себя как некая «всеохватная» (catch-all) структура, призванная «выйти за рамки идеологических мифов» и поэтому не стремившаяся вписаться в традиционную схему разделения политического спектра на правых и левых. В то же время манифест партии под названием «Путь национального успеха» (апрель 2003 года) содержал слова об «идеологии консолидации и солидарности»³. Так ЕР стала отражением характерного для путинской политики принципа волка в овечьей шкуре: представлять себя в глазах широкой общественности в качестве технократической и антиидеологической организации, но на деле продвигать националистическую, неоконсервативную повестку.

К середине 2000-х по мере консолидации власти Путиным российские политические и интеллектуальные круги занялись обсуждением идеологического будущего страны. Поток консервативных манифестов и дискуссии о патриотизме, протекционизме и нравственном возрождении обещали исцелить нацию от либерального похмелья. ЕР экспериментировала с этими идеями в форме «либерально-консервативной платформы» и «социал-консервативного крыла», но такие инициативы не получили

четкого оформления и быстро сошли на нет.

Вне партии консервативный лагерь становился все громче и эксцентричнее: сторонники православного возрождения, ностальгически настроенные монархисты и профессиональные патриоты читали проповеди о «русской душе» и «пороках Запада». Неизменно же прагматичная «Единая Россия» сохраняла дистанцию и следовала иной формуле — «суверенной демократии» с упором на государственный контроль, стабильность и модернизацию без четко сформулированных идеологических позиций. «Единая Россия» присвоила себе ярлык «консервативной» организации лишь в 2009 году — не оформив, однако, консерватизм в качестве целостной политической доктрины. Так это свидетельствует о том, что стратегия партии заключается в отказе от глубоких идеологических альянсов с различными — и зачастую конфликтующими друг с другом — течениями интеллектуальной среды России⁴.

Борьба за идеологическое будущее еще не была предрешена, зато была построена еще одна очень важная его опора. Несмотря на технократичность, опора эта облегчала консолидацию власти и в конечном итоге насаждение любой идеологии, решение по которой могло быть принято позднее.

³ Katharina Bluhm, "Russia's Conservative Counter-Movement: Genesis, Actors, and Core Concepts," in *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, 1st ed., eds. Katharina Bluhm and Mihai Varga (Routledge, 2019), 29, <https://doi.org/10.4324/9781351020305>.

⁴ Bluhm, "Russia's Conservative Counter-Movement", 30–2.

Что касается гендерной политики, Путин обычно предстает в научном и феминистском анализе как ходячий символ консервативного мачизма. Ирония в том, что если заглянуть глубже знакомых мемов и отдельных цитат, его публичная риторика оказывается более «плотной», более противоречивой и гораздо менее предсказуемой⁵. Масштабное исследование восьмидесяти его речей за два десятилетия показывает, что доля ультраправых заявлений в них статистически ничтожна, а традиционалистские высказывания выглядят в основном как приуроченные к определенному моменту сигналы политическим группам, с которыми он предпочитает заигрывать, а не служить им. Вместо ожидаемого показательного выступления «воина, сражающегося с загнивающим Западом», мы видим просчитанный маневр — несколько «кивков» в сторону «семейных ценностей», а в другую сторону — комментарии о разнице в зарплатах, неравномерном распределении домашнего труда и непрерывный поток гендерно-нейтральных формулировок и установок, в которых, например, «родители» упоминаются чаще «матерей», а нейтральное «военнослужащие» заменяет «солдат и офицеров-мужчин».

Столь же принципиален устойчивый советский нарратив, заполняющий его гендерно окрашенную риторику. Именно эти пережитки — коктейль из нормативного материнства, обязательного трудового героизма и декларативного равенства — Путин воспроизводит максимально последовательно, почти автоматически. В отличие от заимствованного антигендерного арсенала приемов глобальных правых, советский шаблон не требует идеологического усилия: он глубоко

укоренен в поколенческой социализации силовых элит и бюрократии и поэтому функционирует как идеологический автопилот. Такие заявления не содержат ни пламенных призывов к восстановлению патриархальных традиций, ни требований загнать женщин на кухню. Вместо них возникает позднесоветский гибрид — образ женщин как «главных хранительниц» порядка и одновременно как «важнейшей составляющей трудовых ресурсов».

Все это, конечно, не значит, что путинский режим следует причислить к категории гендерно прогрессивных — ничего подобного. Суть в том, что его риторика намного хитрее грубого бинарного противопоставления «патриархата» и «феминизма». Публичные заявления Путина не совпадают в точности с гораздо более консервативной государственной политикой. Вопреки расхожим представлениям, в них он прямо не поддерживает антигендерную панику правых идеологов. Начиная со своего третьего срока, ознаменовавшего решительный поворот к «традиционным ценностям», Путин сократил частоту эгалитарных сигналов, но не усилил при этом и ультратрадиционалистские: он предпочитает более безопасный и узнаваемый набор советских высказываний на гендерную тему. Такая слегка устаревшая идеологическая рамка позволяет ему удерживать внимание разных аудиторий, не скатываясь ни в ультраконсервативный фанатизм, ни в воинствующий либерализм.

С началом полномасштабного вторжения в Украину Путин еще резче настроил свою риторику на конфронтацию со всеми, кто ассоциируется с «западными ценностями». Особенно четким сигналом такого поворота стала его угроза «поклонникам гендерных свобод»⁶.

5 Janet Elise Johnson et al., "Mixed Signals: What Putin Says about Gender Equality", *Post-Soviet Affairs* 37, no. 6 (2021): 507–25, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1971927>.

6 <https://theconversation.com/vladimir-putin-the-czar-of-macho-politics-is-threatened-by-gender-and-sexuality-rights-180473>

Скриншот новогоднего обращения Путина к народу, 31.12.2022,
<http://kremlin.ru/events/president/news/70315>.

Однако эти выпады не мешают ему демонстрировать привычную приверженность формальному гендерному равенству. В новогоднем обращении 2023 года Путин выступал на фоне группы мужчин и женщин в военной форме, как бы подчеркивая, что гендерное равноправие остается неизменным, но при условии, что оно обеспечивает исполнение одобряемых государством ролей. Сигнал недвусмысленный: равенство допускается, если служит государству, и вызывает подозрение, если исходит извне.

Программный документ ЕР — «Народная программа» — следует той же логике: он содержит мало откровенно идеологических утверждений. Вместо них в программе партия предстает как прагматичная, ориентированная на результат, сосредоточенная на «конкретных шагах» сила, стремящаяся к

улучшению повседневной жизни людей. С помощью нарратива участия, в частности, утверждений, что в основу программы положены 2,5 млн предложений граждан, технократическое правление оказывается упакованным в популистскую обертку. «Народная, потому что от народа, с народом и во благо народа», — гласит партийный лозунг. Цитаты Путина и Медведева определяют эту мнимую чуткость как признак «ответственности и зрелости», измеряемый не идеями, а результатами. Сайт партии повторяет тот же [путинский] маневр:

«Как патриотическая сила видим своей задачей противостоять любым попыткам сдержать развитие России, расколоть наш народ. «ЕДИНАЯ РОССИЯ» отвергает все формы социального, экономического популизма, национализма и радикализма. Суверенное право граждан России определять свое будущее —

безусловно. Любое внешнее вмешательство в наши внутренние дела — недопустимо».⁷

Такой риторический трюк — заимствование популистской риторики при одновременном отказе от популизма — раскрывает основную формулу партии: идеология без идеологии. Присвоить можно любую доктрину, если она укрепляет идею единства под централизованным контролем, а в ее идеологическом ядре «заложен» суверенитет.

Фраза «суверенное право граждан России определять свое будущее» выражает в сжатом виде всю логику современного российского консерватизма. Свобода здесь — не индивидуальная автономия или плюрализм, а коллективное сопротивление внешнему вмешательству. Понятие суверенитета функционирует как щит и как оружие: оно служит оправданием для изоляции России от «иностранного влияния» и средством делегитимизации любого внутреннего несогласия, которое можно представить как внешнее вмешательство. Феминистки, активисты и активистки ЛГБТК+, правозащитные группы отвергаются не за то, что отстаивают, а потому, что изображаются проводниками чужеродного влияния.

Внутри этой рамки «свобода» действует как коллективный защитный механизм, а не как гражданская или социальная практика. Она требует единства. Общество воображается не как самоорганизующееся сообщество, а скорее как оказавшаяся в осаде семья, связанная лояльностью, а не правами. Семья — единственная легитимная ячейка общества, сильная, репродуктивная, патриотичная. К более широким понятиям солидарности или сообщества отношение

подозрительное, за исключением случаев, когда они легитимизированы сверху.

Гендерная и семейная политика иллюстрируют механизмы, с помощью которых эта логика реализуется на практике. «Народная программа» избегает слов «гендер» и «гендерное равенство», с которыми успешно борются ультраконсервативные группы⁸. Слово «женщины» упоминается только в медицинских или демографических контекстах. Женщины как отдельная категория граждан существуют только как «беременные женщины» или как «матери». Вопросы равенства рассматриваются через призму политики «сильной семьи», которая, хотя и ориентирована на гетеросексуальные семьи, все же отражает различные семейные конфигурации: семьи многодетные, семьи с работающими родителями, семьи студентов, беременные женщины и матери, «попавшие в сложную жизненную ситуацию», сироты. Такой акцент отражает более широкую консервативную повестку, которая ставит гендерные роли в один ряд с воспроизводством населения.

Еще одной заметной уступкой консервативным активистам в программе является введение в России «Дня отца». Коалиция ультраконсервативных деятелей с начала 2000-х годов выступала за укрепление роли отца в семье⁹. Это новое видение отцовства имеет мало общего с разделением обязанностей по уходу за детьми или ведением домашнего хозяйства. Напротив, оно усиливает власть отца в семье, наделяет его нравственным авторитетом и правом принимать решения, в том числе, например, правом решать, следует ли

⁷ "Narodnaia Programma 'Edinoi Rossii,'" 2025, <https://er.ru/party/program>.

⁸ Katharina Bluhm and Martin Brand, "'Traditional Values' Unleashed: The Ultraconservative Influence on Russian Family Policy", in *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, 1st ed., eds. Mihai Varga and Katharina Bluhm (Routledge, 2019), 238, <https://doi.org/10.4324/9781351020305-11>.

⁹ Bluhm and Brand, "'Traditional Values' Unleashed", 227.

прерывать беременность¹⁰.

Такая идеологическая модель кодифицируется через бюрократические механизмы. «Традиционные ценности» упоминаются в «Народной программе» только в части, посвященной «гражданской солидарности и молодежной политике». Здесь они сформулированы как инструкция по выполнению «целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Это отсылка к президентскому указу «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от ноября 2022 года¹¹. «Традиционные ценности» в документе изложены в технократической манере. Идеологические концепции преобразуются в набор измеримых показателей эффективности — число мероприятий с «героями» агрессивной войны России против Украины, число учреждений, внедряющих утвержденные государством программы. Такой подход демонстрирует характерный для «Единой России» режим управления — режим, который деполитизирует идеологию и сводит ее к единицам бюрократической отчетности и показателям административной эффективности.

Если смотреть шире, такая трансформация отражает постсоветскую политическую траекторию России: от неолиберальных 1990-х к путинской консолидации власти и постепенному отходу от либеральных ценностей. Технократическое правление по сурковской формуле «суверенной демократии» сменилось режимом, использующим риторику «традиционных ценностей» для легитимации изоляционистской и агрессивной

политики как внутри страны, так и на международной арене.

10 <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/20102025/839783>.

11 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

«Единая Россия»: несущая конструкция российской антифеминистской политики

В «Единой России» состоят деятели, которых отличает высокий уровень идеологической ангажированности. Их законодательная работа сформировала несущую конструкцию консервативного гендерного режима России. Режим этот складывался в течение почти двух десятилетий целенаправленного законодательного процесса, который по итогам публичных заявлений Путина последовательно переводил гендер, сексуальность и семейную жизнь в разряд вопросов национальной безопасности¹². Несмотря на то, что «Единая Россия» не была инициатором принятия всех соответствующих законов, ни один из них не был бы принят без одобрения партии. Доминирующее положение партии в парламенте служило фильтром и усилителем: если законопроект принимался, то только потому, что ему дала зеленый свет «Единая Россия»; если он становился государственной политикой, то только потому, что так решила партия. Репрессии начались в конце 2000-х годов, когда региональные законодательные собрания, находившиеся под контролем ЕР, начали тестировать первые ограничения в отношении ЛГБТК+. В период с 2006 по 2012 год в Рязанской, Архангельской, Костромской областях и в

Санкт-Петербурге были введены региональные запреты «пропаганды гомосексуализма» среди несовершеннолетних — юридические прототипы будущего общегосударственного режима. Никто не поддержал этот эксперимент более рьяно, чем петербургский политик от ЕР Виталий Милонов, сопровождавший свой законодательный «крестовый поход» против ЛГБТК+ громкими личными нападениями на активистов¹³.

Эти региональные эксперименты подготовили почву для национального законодательства, и вот уже спикерка Совета Федерации и член ЕР Валентина Матвиенко предложила обсудить закон на федеральном уровне¹⁴. В 2013 году Государственная Дума одобрила федеральный закон, запретивший «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних, тем самым фактически объявив вне закона прайды, медицинское просвещение и любую нестигматизирующую репрезентацию ЛГБТК+ людей¹⁵. В том же году ЕР поддержала новый пакет ограничений — запрет на усыновление детей однополыми парами и гражданами стран, признающих однополые браки. Официально все это преподносилось как «защита детей», но на практике стало

¹² Dmitrii Dorogov, "Russia's Biopolitics of Sexual Sovereignty: A Genealogy" (PhD thesis, Central European University, 2022), https://www.etcu.edu/2023/dorogov_dmitrii.pdf.

¹³ Tanya Cooper, "License to Harm", *Human Rights Watch*, 15 December 2014, <https://www.hrw.org/report/2014/12/15/license-harm/violence-and-harassment-against-lgbt-people-and-activists-russia>.

¹⁴ <https://www.kp.ru/online/news/1021410/>.

¹⁵ <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/30/russia-passes-ban-gay-propaganda>.

геополитическим сигналом, еще одним маркером самопровозглашенного культурного суверенитета¹⁶. В 2022-м году запрет так называемой «ЛГБТ-пропаганды» был расширен и перестал касаться только несовершеннолетних. Так по сути любое позитивное представление ЛГБТК+ людей в публичной сфере оказалось под запретом. И опять «Единая Россия» перевела дискуссию об этом в геополитическое русло, представив ЛГБТК+ людей навязчивой иностранной силой, стремящейся дестабилизировать демографическую ситуацию в России. Так, одиозный депутат от ЕР и спикер Госдумы Вячеслав Володин, выступая в нижней палате по поводу закона, обратился напрямую к правительству США:

*«Не надо нам навязывать чуждые ценности, вы свои разрушили, — посмотрим, чем это все закончится, но однозначно печально, потому что это содом, по-другому не скажешь, и США стали центром этого содома в мире. Пускай там и живут, а к нам не лезут со своими ценностями, потому что их даже ценностями назвать нельзя».*¹⁷

В 2023 году Верховный суд объявил несуществующее «международное ЛГБТ-движение» экстремистской организацией, фактически криминализовав любое открытое выражение квир-идентичности и предоставив полиции широкие полномочия для наблюдения и наказания любого, кто будет сочтен подозрительным из-за радужного флага или использования феминитивов¹⁸. В том же ключе предложения криминализовать феминизм, объявив его экстремистской идеологией, тоже прозвучали из рядов ЕР,

а именно от депутата и философа Олега Матвейчева из близкого к ультраконсервативным кругам прокремлевского аналитического центра «Изборский клуб»¹⁹. Его инициатива пока не узаконена. Но другую дорогу в сторону ограничения феминистского активизма уже прокладывает депутатка от ЕР Эльвира Айткулова. Речь идет о криминализации так называемой «пропаганды чайлдфри», то есть любого положительного изображения бездетности.

Кроме того, в 2023 году вступил в силу самый жесткий на сегодняшний день пакет гендерных мер: полный запрет на гендерно-аффирмативную медицинскую помощь для взрослых и несовершеннолетних, запрет на юридическую смену пола и норма, позволяющая аннулировать браки, в которых один из супругов является транс-персоной. Вячеслав Володин представил законопроект в качестве срочной меры для защиты от западной «трансгендерной индустрии», якобы стремящейся дестабилизировать российское общество²⁰. Его поддержал еще один депутат от ЕР, вице-спикер Госдумы Петр Толстой, который предупредил: «Стирание естественной биологической и духовной грани между полами — дело опасное»²¹. С помощью всех этих мер намечены контуры системы, в которой гендерное многообразие рассматривается не как составляющая социального развития, а как угроза национальной безопасности, секретное оружие западных стран, направленное на моральное разложение и уничтожение российского населения, чтобы в конечном итоге привести страну к

¹⁶ <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/30/russia-passes-ban-gay-propaganda>.

¹⁷ Сергей Кацуба, Гомофобная правовая политика в России и ее последствия: дискриминация и насилие в отношении ЛГБТ-людей [Homophobic Legal Policy in Russia and Its Consequences: Discrimination and Violence against LGBT People], Мемориал, 2024, 25, <https://memorialcenter.org/analytics/gomofobnaya-pravovaya-politika-v-rossii>.

¹⁸ <https://www.hrw.org/news/2023/11/30/russia-supreme-court-bans-lgbt-movement-extremist>.

¹⁹ <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/04/04/20134009.shtml>.

²⁰ <https://nordictimes.com/world/russia-considers-adoption-ban-for-gender-swap-countries/>.

²¹ <https://regnum.ru/news/3365813>.

упадку. Примечательно, что для противостояния западным врагам «Единая Россия» заимствует лексику и темы западных же ультраправых движений: в России не было огромных ЛГБТК+прайдов или волны гендерных переходов среди несовершеннолетних. В российской реальности консерваторы воюют по сути с ветряными мельницами.

Аналогичный подход сейчас формирует ужесточение доступа к абортam. Как и в случае с борьбой против «ЛГБТК+ пропаганды», Кремль сначала тестирует ограничения на региональном уровне, одновременно заимствуя тезисы у западных консервативных движений. При этом, как отмечает Надежда Белякова, эта антиабортная риторика имеет мало общего с российской традицией: на протяжении всего советского периода, когда аборт был основным методом контроля рождаемости, ни патриарх, ни его предшественники не осуждали эту практику. Современную риторику о защите «еще не рожденной жизни» Русская православная церковь позаимствовала в конце XX века — после распада СССР — у представителей католических и американских евангелических кругов. Она имеет мало общего с исторической позицией Церкви²². Формально абортy в России остаются легальными на сроках до 12 недель (а в некоторых случаях до 22), но с 2023 года началась волна региональных ограничительных мер. В настоящее время различные ограничения уже внедрены в тридцати российских регионах, например, запреты на «склонение к абортy» и запреты на проведение абортy в частных клиниках²³. Политическая трактовка повторяет риторику вокруг ограничений для ЛГБТК+: чиновники представляют эти меры как защиту женщин от внешнего

манипулирования, но замалчивают тот факт, что на практике это приводит к ограничению доступа к абортam, увеличению времени их ожидания и рискам для здоровья. Поскольку эти меры проводятся под маркой «защиты», оппонирование им становится политически сложной задачей, однако, феминистские организации, несмотря на цензуру и репрессии, все же умудряются мобилизовать общественные кампании, собирать подписи и документировать последствия принимаемых региональных мер.

22 Анна Сидорович и Надежда Белякова. Защита жизни с момента зачатия. Антиабортная риторика РПЦ как часть глобальной традиционалистской повестки, ФАС, без даты, <https://femantiwar.org/ru/life-from-conception/>.

23 <https://www.rbc.ru/politics/15/11/2025/691704ba9a7947703cac84dc>.

Время/Год	Ограничения/Последствия
2006—2012	Региональные запреты «пропаганды» ЛГБТК+ Рязанская, Архангельская, Костромская области, С.-Петербург (предложен Милоновым)
2012	Закон об «иностранных агентах» Направлен против НКО, в т.ч. женских и ЛГБТК+ организаций
2013	Ограничения усыновления Запрет усыновления иностранными однополовыми парами («Закон Димы Яковлева»)
2017	Декриминализация домашнего насилия, совершенного впервые Побои внутри семьи переклассифицированы в административное правонарушение
2019—2021	Предложения, направленные против «чайлдфри» и «гендерной идеологии» Призывы признать радикальный феминизм экстремизмом
2022	Расширение запрета пропаганды ЛГБТК+ Теперь он затрагивает людей всех возрастов, запрещает медиа, книги, рекламу, браки аннулируются
Июль 2023	Полный запрет гендерного перехода Запрет медицинской и юридической смены пола, браки аннулируются
Ноябрь 2023	Верховный суд признал «международное движение ЛГБТ» экстремистским, криминализовав символику и активизм
2023—2024	Региональные ограничения аборт Возобновилась критика «идеологии чайлдфри», демография отнесена к вопросам национальной безопасности

Подводя итог, можно сказать, что на уровне политики «Единая Россия» благодаря своему доминированию в федеральном и местных парламентах и администрациях служит ключевым инструментом для внедрения ограничений прав на телесную автономию и сексуальность в рамках скоординированного проекта, построенного вокруг идеи «суверенитета». Все, что противоречит консервативной версии биологического или социального порядка, представляется как элемент западного влияния, направленного на ослабление России. Такая стратегия эффективна благодаря тому, что реализуется медленно и аккуратно: партия тестирует новые ограничения в регионах, формирует общественное мнение, говоря о внешних угрозах, и представляет новые запреты как защитные меры. Такой плавный курс в сочетании с патриотической риторикой и заявлениями о «защите» населения дал «Единой России» возможность превратить консервативные страхи в правовую систему, которая под лозунгом национальной безопасности жестко контролирует гендер, сексуальность и репродуктивные права.

«Единая Россия»: за права женщин без феминизма

Консервативная политика ЕР не означает исключения из нее женщин. Наоборот, дискуссия о запрете «пропаганды чайлдфри», стигматизирующая бездетных женщин и обсуждение тягот родительства, хорошо иллюстрирует стратегию ЕР в отношении женских прав. Законопроект внесла депутат Госдумы от ЕР Эльвира Айткулова. Его с энтузиазмом поддержала видный политик от ЕР Валентина Матвиенко, которая воспользовалась соответствующей дискуссией для вербальной атаки на современный феминизм. В ее трактовке феминизм отошел от «благородной идеи равенства женщин» и теперь мобилизует женщин ради, по ее словам, абсурдных целей, далеких от «истинных» ценностей России:

*«Он [феминизм] действительно стал воинствующим, и эта, казалось бы, благородная идея — бороться за равноправие женщин — давно ими сдана в архив. Это превратилось в противостояние и движение против мужчин, против традиционных ценностей. Теперь это и про какие-то гендеры, которых придумали уже больше 50. Или, скажем, движение чайлдфри, которое, на мой взгляд, нужно запрещать законодательно. Так что первоначальный смысл давно потерял всякую актуальность и не соответствует нынешней повестке и ожиданиям женщин».*²⁴

Заявление Матвиенко ярко иллюстрирует стремление ЕР перехватить дискурс о правах женщин, заново определив его уже в патриотической рамке — еще один аспект пресловутого «импортозамещения». Прогрессивные движения, по ее словам, охвачены «гендерным безумием» и забыли о своем «изначальном предназначении». Позиционируя себя — когда-то активную участницу советского женского движения — как хранительницу этого якобы подлинного наследия, Матвиенко помогает партии переиначить идею равенства и подавать ее «под соусом» долга лояльности по отношению к государству, а не требования прав.

Гендерные предпринимательницы и Женское движение ЕР

«Они [женщины России] должны быть уверены в том, что любая **гендерная дискриминация** осталась далеко в прошлом. У них абсолютно равные с мужчинами права и возможности для профессиональной самореализации, карьерного роста и активного участия в общественно-политической жизни страны»,²⁵ — провозглашает сайт Женского движения Единой России, свидетельствуя об отсутствии гендерной дискриминации в России самим фактом своего существования. Созданное в конце 2022 года под руководством депутата

²⁴ Матвиенко выступила за запрет чайлдфри в России, <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ea7f0a9a79473617a3e2cc>.

²⁵ Женское движение Единой России, <https://proekty.er.ru/projects/zhenskoe-dvizhenie-edinoi-rossii>.

Госдумы Натальи Полуяновой, Женское движение функционирует как еще один партийный проект — строго контролируемый инструмент реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы и мобилизации женщин в соответствии с государственными приоритетами. Фиксация движения на количественных результатах — тысячах участников, законодательных сессиях и стандартизированных инициативах — раскрывает модель гражданского участия, которая является скорее постановочной, чем автономной, масштабной, но строго контролируемой с точки зрения целей. Триумфальная риторика плохо сочетается со структурным неравенством, которое она пытается скрыть, и с необходимостью особой поддержки женщин в политике, бизнесе и обществе, что она провозглашает своей ключевой целью. Дело в том, что разрыв в оплате труда мужчин и женщин в России составляет примерно 35% — самый высокий показатель среди стран Восточной Европы²⁶. В перечень профессий, запрещенных для женщин, по-прежнему входят 100 видов деятельности²⁷.

Движение нацелилось на четыре основных сферы: политическое участие и наставничество, женское предпринимательство, здоровье женщин и гуманитарная работа с семьями военнослужащих и оккупированными территориями. Методы движения предусматривают расширение общенациональной сети женских клубов, проведение тренингов по лидерским навыкам в рамках Женской политической школы и поощрение участия в законотворчестве через инициативу «Голос женщины». В рамках последней

предполагается, что женщины-политики будут выступать с законодательными инициативами, в основном сосредоточенными на социальной сфере. Одна из флагманских инициатив — «Ты не одна» — даже воспроизводит название возникшего ранее проекта Алены Поповой, направленного против домашнего насилия,²⁸ но в нем феминистская адвокация заменена модулями о «гармоничных семейных отношениях», личном развитии и социально приемлемых формах инициативы. В программе движения акцент так или иначе сделан на неолиберальной самореализации женщин в сочетании с сильными патриотическими установками, подразумевающими, в частности, воспроизводство населения. Основная деятельность региональных отделений движения посвящена развитию личного бренда, лидерских качеств, навыков управления временем, совмещению материнства и карьеры, а также личностному росту.

Такой неолиберальный образ самодостаточной женщины конструирует идеальную гражданку милитаризованного государства, перекадывающего социальные последствия войны на плечи женщин. Показателен с этой точки зрения запуск отделений движения в Курской и Белгородской областях, граничащих с Украиной: он демонстрирует, какие задачи движение должно выполнять во время войны. В сюжете на местном телеканале женщины предстают как хранительницы «надежного тыла»: «Во время специальной военной операции женщины остаются на передовой социальной [...] Кто-то собирает гуманитарную помощь, кто-то шьет одежду для военнослужащих, кто-то пишет письма и отправляет видеосообщения»²⁹.

26 Исследователи сравнили гендерный разрыв в зарплатах в России с Восточной Европой, <https://tass.ru/obschestvo/25223747>.

27 <https://www.trudohrana.ru/article/104063-spisok-zapreshchennyh-professiy-dlya-jenshchin-v-rossii>.

28 <https://tineodna.ru/>.

29 <https://www.youtube.com/watch?v=z0i8w0qXsr0&t=75s>.

Так, женщины мобилизуются в качестве логистической и эмоциональной инфраструктуры, поддерживающей войну не через формальное политическое участие, а через труд, интерпретируемый как забота.

Чиновники «Единой России» преподносят такую схему как поддержку, а не как эксплуатацию. В том же телесюжете заместительница секретаря генерального совета ЕР Дарья Ланратова подчеркивает, что помощь семьям военнослужащих должна быть «рядом, здесь и сейчас»³⁰, чем высвечивает отношение государства к женщинам как к стабилизаторам повседневной жизни. Как утверждает политологиня Валерия Уманец, советский и постсоветские авторитарные режимы давно зависят от женщин на муниципальном уровне: сильное чувство социальной ответственности и зависимости от государственного трудоустройства делают их отзывчивыми, безотказными и надежными исполнительницами. Решая повседневные задачи на муниципальном уровне и демонстрируя благонадежность, женщины помогают поддерживать стабильность и легитимность авторитарных систем изнутри³¹.

Основную часть новостей на сайте движения составляют темы поддержки жен и семей военнослужащих: 10 из 18 последних постов посвящены помощи российской армии, мероприятиям для военнослужащих и их семей или деятельности на оккупированных территориях³². Несмотря на явную милитаризацию своей повестки, движение позиционирует себя так, будто находится на другом уровне по сравнению с семьями военнослужащих. Оно

предоставляет гуманитарную помощь, организует мероприятия и предлагает обучение. Участницы движения не смешиваются с женами военнослужащих, а скорее направляют и поддерживают их с позиции власти, как и предполагает благотворительная рамка. Яркий пример такого дистанцирования — размещенное на ютуб-канале ЕР видео о мероприятии, посвященном поддержке жен военных. В нем женщины предстают не просто как пассивные фигуры, ждущие мужей дома, а как активные участницы процесса. Сами они говорят об этом так: «Мы — волонтеры, мы обеспечиваем тыл, мы воспитываем детей». Инициатива направлена на восстановление ощущения «нормальности» за счет помощи женщинам в восстановлении традиционной женственности, якобы утраченной в условиях тягот повседневной жизни, и предоставления им возможности отправлять красивые фотографии своим мужьям на фронт. Однако примечательно, что представительница «Единой России» на видео не отождествляет себя с этими женщинами, говорит о них с уважением, но с дистанцией, и заявляет, что цель акции — «порадовать их, отвлечь от переживаний за своих мужей»³³. Макияж и фотосессии как средство расширения прав и возможностей соответствуют неолиберальной повестке «Единой России». В конечном итоге, видео подчеркивает иерархический характер отношений: движение предлагает символическое расширение прав и возможностей через изменение внешности и одновременно укрепляет структуру, в которой действия жен остаются тщательно направляемыми и

30 <https://www.youtube.com/watch?v=z0i8w0qXsr0&t=71s>.

31 Valeriia Umanets, "Political Participation of Women in the Soviet Union and Russia: From State-Sponsored Feminism to Putin's Machismo" (Ph.D., 2024), <https://www.proquest.com/docview/3097389219?sourcetype=Dissertations%20&%20Theses>; <https://valeriaumanets.com/research/>

32 <https://zhenskoe-dvizhenie.er.ru/news?page=1>.

33 <https://www.youtube.com/watch?v=ZpeuQ5aZE5s>.

ограниченными патриархальными ролями.

Я предлагаю рассматривать лидеров женского движения Наталью Полуянову, Галину Карелову и Дарью Лантратову как гендерных предпринимательниц. Последних я определяю в соответствии с определением этнополитических предпринимателей Роджерса Брубейкера. Это лица, которые «апеллируя к группам, стремятся тем самым вызвать их к существованию, призвать и символически создать. Их категории предназначены не для описания, а для действия — они служат тому, чтобы возбуждать, призывать, оправдывать, мобилизовывать, «зажигать» и активизировать. Овеществление групп — это как раз то, чем они профессионально занимаются. Когда им это удается, политическая фикция единой группы может на короткий, но значимый период быть реализована на практике»³⁴. Женское движение «Единой России» играет конституирующую роль. Под видом содействия самореализации и профессиональному росту женщин его деятельность способствует формированию идеального типа новой российской женщины в военное время. Благодаря этим инициативам создается образ сильной, предприимчивой женщины, воплощающей в себе идеал неолиберальной женственности, в котором индивидуальная самодостаточность совмещается с выполнением патриотического долга, и который ориентирован в том числе на воспроизводство населения. Такая модель неотделима от государства военного времени: расширение прав и возможностей женщин переплетается с патриотическим служением и социальной ответственностью,

чем превращает агентность женщин в механизм поддержки милитаризованного и авторитарного порядка. Их служение окупается также через карьеру: исследования показывают, что поддержка «Единой России» — единственный значимый фактор, влияющий на решение женщин-политиков участвовать в выборах³⁵.

Евразийский женский форум — бутафория для международной аудитории

В июле 2025 года Валентина Матвиенко, Вячеслав Володин и другие российские политики были приглашены в Швейцарию на VI Всемирную конференцию спикеров парламентов³⁶. Валентина Матвиенко, поддержавшая войну России против Украины и аннексию украинских территорий, выступила перед Саммитом спикеров парламентов и, сославшись на Резолюцию ООН 1325, заявила: «Говорят, у войны — не женское лицо. Значит, у мира оно точно должно быть женским»³⁷. Это наглядный пример того, как российские чиновники используют международные платформы для легитимизации государственных нарративов, в частности, с помощью наднациональных гендерных программ. Флагманским проектом в рамках такой стратегии стал созданный по инициативе Матвиенко Евразийский женский форум (ЕЖФ), который она же и возглавляет. Основанный в 2015 году — вскоре после аннексии Крыма, — Форум позиционирует себя как инклюзивную международную женскую платформу, но на практике служит дипломатическим инструментом

34 Rogers Brubaker, "Ethnicity without Groups," *Archives Européennes de Sociologie*. European Journal of Sociology 43, no. 2 (2002): 166–67, <https://doi.org/10.1017/S0003975602001066>.

35 Olga A. Avdeyeva et al., "Gender and Local Executive Office in Regional Russia: The Party of Power as a Vehicle for Women's Empowerment?," *Post-Soviet Affairs* 33, no. 6 (2017): 431–51, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2017.1365806>.

36 Feminist Anti-War Resistance, "Protest Against the Invitation of the Russian Delegation to the Sixth World Conference of Speakers of Parliament and The Summit of Women Speakers of Parliament," 2025, <https://femantiwar.org/en/protest-against-the-russian-delegation/>.

37 "Valentina Matvienko: The Time Has Come for Those Who Will Help Humanity Find the Right Path to Peace, Where the Security of Each Nation Is a Condition for the Security of All | Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation," <http://www.council.gov.ru/en/events/news/168608/>.

для улучшения имиджа России за рубежом. Международная направленность первых дискуссионных платформ ЕЖФ была призвана продемонстрировать намерение России вновь утвердить свою позицию в качестве глобального голоса по вопросам женщин и другим вопросам международного значения³⁸. На первый форум собрались более тысячи «женщин-лидеров» из 80 стран, которые обсуждали четыре тематических направления: женщины и власть, женщины в меняющейся экономике, женщины в глобальном здравоохранении и женщины в гуманитарном сотрудничестве. Гендерная исследовательница Юлия Градскова пишет, что «ЕЖФ, по-видимому, в основном нацелен на продвижение определенного типа женщин — тех, которые, по-видимому, более обеспечены и образованы, чем среднестатистическая российская женщина, и которые делают карьеру в качестве государственных служащих или предпринимательниц»³⁹.

С тех пор форум проводится раз в три года с сохранением аналогичной структуры тем. Сеть ЕЖФ расширяется за счет различных наград, параллельных мероприятий и проектов. Форум 2024 года в Санкт-Петербурге, прошедший под лозунгом «Женщины за укрепление доверия и глобальное сотрудничество», продемонстрировал способность России привлекать делегатов из 125 стран, несмотря на геополитическую изоляцию⁴⁰. Пять тематических направлений форума охватывали такие вопросы, как укрепление мира и дипломатия, климат, инновации, культурное наследие и общественное здоровье. Программа в

значительной степени опиралась на идеалы либерального феминизма: выдающиеся достижения женщин в деловой, социальной и политической жизни ради их подчинения целям и интересам государства. В рамках Форума прошел также Женский форум BRICS и в целом он призван был продемонстрировать свое этнокультурное многообразие за счет паразитирования на наследии советского участия в международном женском движении и независимых международных движениях. Впрочем, сегодня все это служит лишь удовлетворению собственных имперских амбиций России.

Как и многие другие авторитарные режимы, путинская Россия использует права женщин в качестве бутафорской витрины, чтобы создать привлекательный международный имидж и скрыть за блестящим образом успешной и полноправной женщины нарушения прав человека — преследование ЛГБТК+ и политической оппозиции⁴¹. Предстоящий форум, получивший название «Женщины за сохранение традиций»⁴², следует той же схеме, смешивая язык эмансипации с явно консервативной идеологической рамкой и прочно позиционируя себя на поле транснациональных консервативных сил, возглавляемых женщинами.

38 Yulia Gradska, "From Defending Women's Rights in the 'Whole World' to Silence About Russia's Predatory War? The (Geo)Politics of the Eurasian Women's Forums in the Context of 'Traditional Values'," *Sustainable Development Goals Series* (2023): 41, https://doi.org/10.1007/978-3-031-38066-2_2.

39 Gradska, "From Defending Women's Rights," 43.

40 <https://eawf.ru/about/chetvertiy-evraziyskiy-zhenskiy-forum/>.

41 Elin Bjarnegård and Daniela Donno, "Window-Dressing or Window of Opportunity? Assessing the Advancement of Gender Equality in Autocracies," *Politics & Gender* 20, no. 1 (2024): 229–34, <https://doi.org/10.1017/S1743923X22000496>.

42 <https://eawf.ru/projects/proekty-soveta-evraziyskogo-zhenskogo-foruma/zhenshchiny-za-sokhranenie-traditsiy/>

Голоса несогласных внутри ЕР

Иногда вся эта бутафория открывает для состоящих в рядах ЕР женщин окна возможностей⁴³. Екатерина Лахова, долгое время возглавлявшая Союз женщин России, стала поляризующей фигурой для консервативных групп, которые критиковали ее за поддержку уроков «планирования семьи» в школах во время ее пребывания на посту председателя думского комитета по делам семьи, женщин и детей в 2000-е годы⁴⁴. Некоторые даже называли ее «духовной наставницей» известной феминистской панк-группы Pussy Riot, обвиняли в пропаганде «толерантности к гомосексуализму» и «защите» репродуктивных прав⁴⁵. Под усиливающимся давлением Лахова перешла на консервативные позиции: в 2009 году она призвала закрыть гей-клубы, а в 2020-м осудила марку мороженого «Радуга» как скрытую пропаганду ЛГБТК+⁴⁶. Сегодня Лахова и возглавляемый ею Союз женщин России также активно поддерживают российскую военную агрессию против Украины и помогают фронту⁴⁷.

Еще одной редкой инакомыслящей была Оксана Пушкина, в прошлом занимавшая пост заместителя председателя думского комитета по делам семьи, женщин и детей. Пушкина публично выступала за принятие долго

блокировавшегося закона о домашнем насилии⁴⁸ и защищала права ЛГБТК+⁴⁹ — для ЕР позиция аномальная⁵⁰. В результате российские консервативные группы спустили на нее всех собак и даже сделали фальшивый рекламный ролик о будущем России, в котором гей-пара усыновляет ребенка под портретом Оксаны Пушкиной. В 2021 году Пушкиной не дали участвовать в выборах, и ее политическая карьера закончилась⁵¹.

Эти кейсы высвечивают жесткие ограничения на агентность женщин внутри ЕР. Когда женские инициативы бросают вызов идеологическим основам путинской системы или рискуют мобилизовать заинтересованные группы, не контролируемые государством, они моментально подавляются. Более тихая фигура — юристка и политик от ЕР Ирина Рукавишникова — участвовала в работе экспертных групп, обсуждавших законодательство о борьбе с домашним насилием⁵². В одном интервью она также назвала домашнее насилие проблемой⁵³. Ее роль остается малозаметной, и пока она избегает реакции, с которой столкнулась Пушкина, во многом благодаря тому, что ее деятельность менее публична и носит скорее технический характер.

Более глубокое понимание внутренних разногласий дал анонимный опрос, проведенный в 2025 году среди участниц Женской политической школы

43 Bjarnegård and Donno, "Window-Dressing or Window of Opportunity?."

44 Bluhm and Brand, "'Traditional Values' Unleashed," 227.

45 https://ruskline.ru/news_rl/2012/03/20/deputat_ekaterina_lahova_i_feministki_iz_pussy_riot_zh_s_korejshee_prinyatie_zakona_o_gender-nom_ravenstve/.

46 <https://web.archive.org/web/20200705161924/https://echo.msk.ru/news/2670707-echo.html>.

47 <https://www.wuor.ru/news/aktsiya-soyuzha-zhenshchin-rossii-zashchitnikam-s-lyubovyu-prodolzhaetsya-90246/>.

48 <https://vm.ru/society/980378-rozhat-skoro-budet-nekomu-oksana-pushkina-rasskazala-o-sudbe-zakona-o-domashnem-nasilii>.

49 <https://youtu.be/42n5RXDrKak?si=XP4xccqobpa1pLoF>.

50 Примечательно, что Валентина Матвиенко создала рабочую группу для подготовки закона против домашнего насилия в Государственной Думе. <https://vm.ru/society/980378-rozhat-skoro-budet-nekomu-oksana-pushkina-rasskazala-o-sudbe-zakona-o-domashnem-nasilii>

51 <https://www.rbc.ru/politics/14/03/2021/604e50599a794750b0abcd89>.

52 <https://www.roi.ru/121941/>.

53 <https://alrf.ru/news/denis-novak-i-irina-rukavishnikova-o-edinom-portale-yuridicheskoy-pomoshchi/>.

«Единой России». Анонимный онлайн-опрос провели журналисты проекта «Система» в июне 2025 года. В телерепортаже о Женской политической школе «Единой России» в Дагестане они увидели QR-код, который вел в закрытый телеграм-чат Женского движения ЕР, где общались более 1200 человек со всей страны, участвовавших в партийных тренингах и семинарах. Исследователи опубликовали в этом чате ссылку на анонимную анкету. Они не стали раскрывать свою аффилиацию и собирать какие-либо персональные данные, чтобы сохранить анонимность участниц.

За двенадцать дней на вопросы ответили 64 женщины — 48 членов ЕР и 9 официальных сторонниц партии. Опрос не был репрезентативным, но обеспечил редкую возможность ознакомиться с мнениями женщин, непосредственно вовлеченных в образовательные проекты партии и достаточно активных, чтобы согласиться принять участие в опросе чата. Результаты опроса продемонстрировали сильные расхождения их мнений с официальной идеологией партии. Так, 61 участница (98%) отвергла идею о том, что запрет абортов увеличивает рождаемость, 52 (81%) поддержали давно блокируемый закон о профилактике домашнего насилия, а 58 (91%) положительно отнеслись к восстановлению уголовной ответственности за насильственные действия, совершенные впервые. Кроме того, 45 респонденток (70%) посчитали, что женщина может быть успешной и без брака и детей, 46 (72%) сказали, что представительство женщин в Госдуме является недостаточным. Примерно половина участниц сообщили, что сталкивались с гендерно-маркированными шутками или дискриминацией на рабочем месте⁵⁴.

Несмотря на риторику партийного истеблишмента о «традиционных семейных ценностях», эти ответы раскрыли более сложную и не столь конформную реальность, в которой живут участницы опроса. Данные, полученные благодаря опросу, позволяют предположить, что усилия «Единой России», направленные на то, чтобы посредством партийных политических школ сделать из женщин лояльных, внутренне дисциплинированных и идеологически правильных субъектов дали ограниченный результат. Получив возможность высказаться анонимно, многие из этих активных женщин заявили о позициях, противоречащих патриархально-консервативному нарративу государства. Эти результаты подчеркивают разницу между консервативной повесткой партии и прагматичными устремлениями политически ангажированных женщин, состоящих в ее рядах.

⁵⁴ <https://www.currenttime.tv/a/edinaya-rossiya-systema/33470251.html>.

Феминистская оппозиция «Единой России»

Ресурсы Женского движения ЕР не сопоставимы с ресурсами многочисленных низовых феминистских групп и НКО в России. Тем не менее, последние находят способы, чтобы противостоять законодательным инициативам и деятельности ЕР, в том числе даже на международном уровне. Так, в августе 2025 года активистки Феминистского антивоенного сопротивления — одной из самых заметных российских феминистских инициатив — направили письмо протеста в Межпарламентский союз. В нем активистки Феминистского антивоенного сопротивления подчеркивают, что председательница Совета Федерации Матвиенко поддерживает полномасштабное вторжение России в Украину и преследование феминисток и ЛГБТК+ активисток в России⁵⁵. Это письмо — лишь верхушка айсберга масштабного феминистского сопротивления консервативной политике «Единой России», которое невозможно свести лишь к деятельности Феминистского антивоенного сопротивления.

Широкая сеть региональных феминистских инициатив регулярно организует собрания и лекции, фестивали и благотворительные мероприятия, оказывает психологическую поддержку и помощь людям, пережившим насилие,

занимается небольшими медиа-проектами и проводит общественные кампании. Такими разными способами они оспаривают доминирующий «здоровый смысл» «Единой России». Находясь под постоянной угрозой репрессий со стороны государства и насилия со стороны ультраправых групп, активистки феминистского движения продолжают работу по всей стране⁵⁶.

Еще один способ сопротивления женскому движению ЕР и его программе поддержки семей военных можно увидеть в деятельности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и женского движения «Путь домой», которые стремятся вернуть мужчин с фронта. Как показывают исследования лаборатории публичной социологии PSLab, в российском обществе матери и жены имеют особый социальный статус, дающий им уверенность в их праве защищать близких любыми средствами. В военное время эта позиция позволяет матерям призывников и женам или партнерам мобилизованных собираться, формировать группы, которые могут вырасти в социальные движения⁵⁷. Эти женщины публично не называют себя феминистками, но иногда сотрудничают с феминистскими инициативами.

Наконец, есть женщины среди лидеров оппозиции, например, Юлия

⁵⁵ <https://femantiwar.org/en/protest-against-the-russian-delegation/>.

⁵⁶ <https://t.me/regfem>.

⁵⁷ Aida Belokrysova et al., "THE REBELS: How Women Fight for Their Loved Ones Who Ended up in the Russian Army," Public Sociology Lab, 16 January 2025.

Навальная, которая унаследовала политический проект своего мужа Алексея Навального, и Екатерина Дунцова, выдвигавшая свою кандидатуру на президентских выборах 2024 года и до сих пор занимающаяся созданием своей политической партии в России.

Независимая группа социологов Solution Lab провела ряд интервью с активистами в России и пришла к выводу, что проект Навального после его смерти утратил в России релевантность, и активисты сейчас неоднозначно оценивают его нынешних лидеров. В то же время, Екатерина Дунцова в целом воспринимается позитивно: ее характеризуют как вызывающую доверие, уважаемую фигуру, хотя ее политическое влияние ограничено. Ей не хватает институциональной поддержки и организационных ресурсов для того, чтобы реально на что-то влиять внутри российской политической системы. Ее политическая партия «Рассвет» в целом утратила и аудиторию, и внутреннюю сплоченность, но Дунцова сохраняет символический авторитет. При этом более пятидесяти интервью, проведенных в шести регионах, свидетельствуют об отсутствии явных свидетельств ее активного участия в политической жизни страны сегодня⁵⁸.

Подводя итог, можно сказать, что и в отдельных сегментах оппозиции бытует язык неолиберальной самореализации, либо продвигаются собственные варианты «настоящей» женственности, но есть и растущая часть антивоенной оппозиции, которая явно определяет антифеминизм как одну из идеологических основ путинского режима и агрессивной внешней политики России. Для этих акторов гендер — не второстепенная территория борьбы, а центральная линия разлома, обнажающая приемы, с помощью которых режим

управляет страхом, контролирует тело и мобилизует общество на войну. То есть любая заслуживающая доверия альтернатива путинизму должна открыто заняться вопросами гендерного порядка, а не воспроизводить его в смягченной форме и не откладывать проблему на потом.

58 Solution Lab, "Red Lines: Activism in Today's Russia," 2025, 32, <https://www.solutionlab.site/red-lines>.

Заключение

Анализ идеологической и организационной практик «Единой России» раскрывает парадоксальную природу гендерной политики в современной России. Консервативный дискурс партии не следует единой идеологии. Комбинируя неолиберальные идеи самодостаточности с призывами к патриотизму и исполнению семейного долга, ЕР конструирует модель «идеальной женщины» — активной, успешной и лояльной государству. В этих идеалах расширение прав и возможностей сливается с субординацией, превращая агентность женщин в ресурс для обеспечения авторитарной стабильности.

Евразийский женский форум, Женское движение «Единой России» и другие проекты служат иллюстрацией подходов режима к инструментализации прав женщин в войне против «гендерного равенства» и западной гегемонии за счет выработки консервативного варианта женской эмансипации. Такие инициативы создают образ прогрессивной и человеческой России одновременно для внутренней и международной аудитории, маскируя репрессивные и патриархальные основы режима — криминализацию ЛГБТК+, гендерно-аффирмативной медицинской помощи и бездетности. В то же время за фасадом управляемого участия продолжают звучать голоса несогласных. Анонимные опросы, гражданские инициативы и работа независимых феминистских групп демонстрируют, что многие политически активные женщины не собираются

полностью усваивать консервативный посыл государства.

Гендерный порядок в путинской России определяет существование этих противоречащих друг другу тенденций — символического расширения прав и возможностей и системных репрессий. Женщины могут играть заметные публичные роли и говорить от имени народа, но только при условии, что их деятельность подтверждает авторитет государства и моральный характер войны. Попытка государства монополизировать язык женских прав демонстрирует не только его способность инструментализировать феминизм, но и раскрывает подспудную тревогу — страх, что подлинная агентность женщин, как только она будет артикулирована за пределами лояльности, может трансформироваться в силу политических перемен. По большому счету, гендер для путинизма не побочная тема, а ядро системы. Вообразить постпутинское политическое будущее без демонтажа его гендерного порядка, значит оставлять инфраструктуру авторитаризма без изменений. Любая заслуживающая доверие альтернатива должна поэтому выступать против не только кремлевского геополитического насилия, но и методов управления людьми через частные сферы повседневной жизни и инструментализации женской агентности.

На международной арене российский гендерный консерватизм — явление не уникальное. Нарративы «Единой России» находят отклик и активно заимствуются у крайне правых движений во всем мире —

от венгерской партии «Фидес» до американских евангелистов и антигендерных кампаний Ватикана. Ее юридические «инновации», в частности, криминализация «ЛГБТ-пропаганды» и критика «идеологии чайлдфри» уже циркулируют в антилиберальных кругах за границей.

И наоборот, Москва с готовностью заимствует стратегии у своих идеологических единомышленников, адаптируя западную и центральноевропейскую антигендерную риторику под собственную доктрину «сексуального суверенитета». Такая транснациональная экосистема правых — не эксцесс, а база: она прикрепляет Россию к определенной идеологической рамке, и происходит это в момент, когда формальные дипломатические связи уничтожены российской агрессивной войной против Украины.

Библиография

Avdeyeva, Olga A., Dekabrina M. Vinokurova, and Alexandr A. Kugaevsky. "Gender and Local Executive Office in Regional Russia: The Party of Power as a Vehicle for Women's Empowerment?" *Post-Soviet Affairs* (Columbia) 33, no. 6 (2017): 431–51. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2017.1365806>.

Belokrysova, Aida, Masha Birk, Sasha Kappinen, and Natalia Savelyeva. "THE REBELS: How Women Fight for Their Loved Ones Who Ended up in the Russian Army." Public Sociology Lab, January 16, 2025.

Bjarnegård, Elin, and Daniela Donno. "Window-Dressing or Window of Opportunity? Assessing the Advancement of Gender Equality in Autocracies." *Politics & Gender* 20, no. 1 (2024): 229–34. <https://doi.org/10.1017/S1743923X22000496>.

Bluhm, Katharina. "Russia's Conservative Counter-Movement: Genesis, Actors, and Core Concepts." In *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, 1st ed., edited by Katharina Bluhm and Mihai Varga. Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9781351020305>.

Bluhm, Katharina, and Martin Brand. "'Traditional Values' Unleashed: The Ultraconservative Influence on Russian Family Policy." In *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, 1st ed., vol. 1, with Mihai Varga and Katharina Bluhm. Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9781351020305-11>.

Bluhm, Katharina, and Mihai Varga, eds. *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. Routledge, 2020.

Brubaker, Rogers. "Ethnicity without Groups." *Archives Européennes de Sociologie. European Journal of Sociology*. (Cambridge, UK) 43, no. 2 (2002): 163–89. <https://doi.org/10.1017/S0003975602001066>.

Cooper, Tanya. "License to Harm." *Human Rights Watch*, December 15, 2014. <https://www.hrw.org/report/2014/12/15/license-harm/violence-and-harassment-against-lgbt-people-and-activists-russia>.

Dorogov, Dmitrii. "Russia's Biopolitics of Sexual Sovereignty: A Genealogy." PhD Thesis, Central European University, 2022. https://www.etd.ceu.edu/2023/dorogov_dmitrii.pdf.

Gradszkova, Yulia. "From Defending Women's Rights in the 'Whole World' to Silence About Russia's Predatory War? The (Geo)Politics of the Eurasian Women's Forums in the Context of 'Traditional Values.'" *Sustainable Development Goals Series 2023* (2023): 29–49. Scopus. https://doi.org/10.1007/978-3-031-38066-2_2.

Gradszkova, Yulia. "Maternalism and New Imperialism in Russia: 'Good Mothers' for a Militarizing State—Expectations, Implications, and Resistances." *Frontiers in Sociology* 8 (November 2023). <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1192822>.

Johnson, Janet Elise, Alexandra Novitskaya, Valerie Sperling, and Lisa McIntosh Sundstrom. "Mixed Signals: What Putin Says about Gender Equality." *Post-Soviet Affairs* 37, no. 6 (2021): 507–25. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1971927>.

Katsuba, Sergei. "Gomofobnaya Pravovaya Politika v Rossii i Ee Posledstviya: Diskriminatsiya i Nasilie v Otnoshenii LGBT-Liudei [Homophobic Legal Policy in Russia and Its Consequences: Discrimination and Violence against LGBT People]." Memorial, 2024. <https://memorialcenter.org/analytics/gomofobnaya-pravovaya-politika-v-rossii>.

Kuhar, Roman, and David Paternotte. *Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*. 1st ed. Rowman & Littlefield International, Rowman & Littlefield Publishers, 2017.

Reuter, Ora John. *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*. Cambridge University Press, 2017. <https://doi.org/10.1017/9781316761649>.

Кацуба Сергей. Гомофобная политика в России и ее последствия: дискриминация и насилие в отношении ЛГБТ-людей. Мемориал, 2024. <https://memorialcenter.org/analytics/gomofobnaya-pravovaya-politika-v-rossii>.

Сидоревич Анна и Белякова Надежда. Защита жизни с момента зачатия. Антиабортная риторика РПЦ как часть глобальной традиционалистской повестки. ФАС, без даты, <https://femantiwar.org/ru/life-from-conception/>.

Авторка

Александра (Саша) Талавер — активистка феминистского движения и гендерная исследовательница. В настоящее время работает в Центре независимых социальных исследований (CISR e.V.). Саша занимается в основном историей советского женского движения и современными женскими движениями в России. Она получила докторскую степень (PhD) на факультете гендерных исследований Центрально-Европейского университета (CEU) в Вене. Ее аналитику и комментарии регулярно публикуют международные и российские СМИ, в том числе Meduza, The Moscow Times, телеканал «Дождь», taz, Der Spiegel и Jacobin.

The study series *Triumph der Frauen? Das weibliche Antlitz des Rechtspopulismus und -extremismus in ausgewählten Ländern* (Triumph of the Women? The female face of right-wing populism and extremism in selected countries) can be found online at:

➤ <https://www.fes.de/themenportal-gender-jugend/gender/triumph-der-frauen-ii>

Titles already published in the series:

- › 01 *Antifeminismus in Deutschland in Zeiten der Corona-Pandemie* (2020)
[Anti-feminism in Germany during the Covid-19 pandemic]
- › 02 *Fallstudie Vereinigtes Königreich und der Brexit* (2020)
[Case study on the United Kingdom and Brexit]
- › 03 *Fallstudie Vereinigte Staaten von Amerika* (2020)
[Case study on the United States of America]
- › 04 *Fallstudie Österreich* (2020)
[Case study on Austria]
- › 05 *Synopse der sechs Länderstudien in Band I „Triumph der Frauen?“* (2021)
[Synopsis of six country studies in Volume I “Triumph der Frauen?”]
- › 06 *Fallstudie Italien* (2021)
[Case study on Italy]
- › 07 *Fallstudie Brasilien* (2021)
[Case study on Brazil]
- › 08 *Rechtsextreme Spitzenpolitikerinnen in Italien, Frankreich und Deutschland* (2025)
[Right-wing female leaders in Italy, France and Germany]
- › 09 *Zum „Schutz“ der Nation? Frauen, Genderpolitik und Mobilisierung in der Partei „Einiges Russland“* (2026) [“Defending” the Nation?! – Women, Gender Politics, and Mobilization in United Russia]
- › 10 *Wandel der Geschlechterordnung: AKP, Rechtspopulismus und politische Teilhabe von Frauen in der Türkei* (2026) [Shifting Gender Regimes: AKP, Right-Wing Populism, and Women’s Political Participation in Türkiye]

The volume of studies *Triumph der Frauen? The Female Face of the Far Right in Europe* (2018) can be found online in German and English at: ➤ <https://www.fes.de/lnk/3yh>

Триумф женщин? 09

В России партия «Единая Россия» целенаправленно рассматривает женщин как фактор социальной стабильности, а равенство в своем риторическом дискурсе интерпретирует как политику «сильной семьи». Материнство, забота и «традиционные ценности» становятся политическими лейтмотивами. В то же время феминистские и ЛГБТК+-позиции определяются как «чужеродное влияние» и все чаще вытесняются из публичного дискурса с помощью репрессивных мер. Видимое присутствие и участие женщин поощряются только там, где это служит интересам мобилизации общества, лояльности и социальной инфраструктуры, а не там, где они могли бы изменить соотношение сил. Авторка Александра Талавер показывает, как гендерный уклад в путинской России колеблется между символическим «расширением прав и возможностей» и систематическим угнетением.

С 2018 года серия исследований Фонда Фридриха Эберта «Триумф женщин?» изучает роль женщин в росте правых движений — как в качестве избирательниц, так и активных участниц. В отдельных страновых кейсах анализируется, какие политические предложения побуждают женщин поддерживать те или иные правые партии и движения.

Особое внимание уделяется гендерным стратегиям правых партий, их позиции во власти или оппозиции, антифеминистским идеологиям, а также роли женщин-лидеров.

Дополнительную информацию по теме вы можете найти здесь:

➔ fes.de